

Когда подполковник Леонид открыл дверь, ведущую в Гробницу, огонек свечи затрепетал под порывом ветра. Кастелян Вобан стоял на коленях перед базальтовой статуей Императора в оссуарии часовни; от ветра он прикрыл огонек ладонью и зажег от него поминальную свечу в память о Батальоне А. Он совершал этот ритуал уже шесть дней — с того времени, как пал Тор Кристо.

Леонид остановился на почтительном расстоянии от своего командира и ждал, пока тот не закончит обряд поминовения. Вобан был благодарен за такую тактичность.

Мрачная башня, называемая Гробницей, стояла на северо-западном склоне горы, высоко над цитаделью. Сложенная из гладкого черного мрамора с золотыми прожилками, она представляла собой полый цилиндр диаметром около тридцати метров и высотой в сто. Изнутри ее стены были усеяны сотнями ниш, в которых лежали побелевшие кости всех тех, кто носил звание кастеляна крепости. Раньше для Вобана было большим утешением представлять, что однажды он сам займет почетное место среди своих нетленных предшественников, но теперь он знал, что это лишь мечта. Скорее всего, он падет от руки проклятого врага где-то внизу, в цитадели, где и останется лежать его иссушенный труп. Мысль о том, что его кости отполируют пыльные бури, бушевавшие на этой планете, наполняла его неизбывным унынием.

Полом башне служил литой латунный диск, вся поверхность которого была исчерчена гравировкой: ажурные линии переплетались, пересекая друг друга, в завораживающем танце. Рисунок напоминал головоломку, решение которой — если оно вообще существовало — постоянно ускользало от смотрящего. Вобан знал, что можно провести часы, пытаясь проследить взглядом хитросплетение линий, но сам он давно решил, что эта задача ему не по силам.

Он поднялся с колен, поморщившись, когда суставы болезненно хрустнули. Война была делом молодых, а он слишком стар для тех ужасов, что стояли на его пути. Кастелян склонился перед каменным ликом Императора и прошептал:

— Великий Император, даруй мне силы исполнить Твою волю. Я всего лишь человек с отпущенной человеку долей мужества, и в этот трудный час нуждаюсь в Твоей мудрости.

Статуя ответила на мольбу молчанием; командующий Гидры Кордатус развернулся и твердым шагом направился к дверям, ведущим во внешние залы Гробницы.

Вобан думал, что узнал все о страдании и боли после того, как увидел разрушение Иерихонских Водопадов и битву на равнине, в которой Железные Воины обманом заставили артиллеристов Тор Кристо стрелять по своим. Но истинную глубину горя он познал во время падения Тор Кристо, когда погибли почти семь тысяч человек. Столько убитых, а бой еще не закончен.

Он прошел мимо Леонида, кивнув своему заместителю, и тот закрыл двери в озаряемый свечами дом мертвых. Во внешних залах Гробницы было светло и просторно, как если бы архитекторы башни понимали, что разум человека способен лишь до определенного предела

погрузиться в скорбь и что приходит время радоваться бессмертию духа.

Яркие шары светильников, расположенные позади арочных витражей, золотом и лазурью раскрасили выложенный мраморными плитами пол. Вобан остановился, чтобы полюбоваться мастерской работой художников, живших десять тысячелетий назад. Над его головой разворачивались сцены битвы, изображения Императора, восходящего на трон, и подвиги героев Космического Десанта, умерших давным-давно.

— Они прекрасны, да? — прошептал Вобан.

— Да, сэр, — подтвердил Леонид.

— Жаль, что это все будет уничтожено.

— Сэр?

Вобан с грустной улыбкой посмотрел на своего заместителя.

— Полагаю, наши враги предпочтут обратить это место в пыль. Как думаете, Михаил?

— Наверное, — с горечью признал Леонид. — Но мы заставим их дорого заплатить за каждый отвоеванный у нас метр земли — если только нас не предаст чья-то жажда славы или ничтожная трусость.

Вобан понимал, почему слова Леонида пропитаны ядом. Принцепс Фиерах, приказавший своим титанам бросить джуранцев и преследовать вражеского титана класса «Император», обрек на смерть почти две тысячи человек. Титаны, уцелевшие в той битве, мудро вернулись в бронированные ангары для ремонта, а их экипажи пока находились в казармах, ожидая, какое наказание за подобное нарушение дисциплины им назначит суд Легио. Их положение облегчалось тем, что сам Фиерах погиб: из мертвого можно было сделать подходящего козла отпущения. Даэкиан, под чьим командованием находился «Гонорис Кауза» — титан класса «Повелитель битвы», — в парадном мундире предстал перед старшими офицерами Джуранских драгун и принес официальные извинения от имени Легио Игнатум и соболезнования от себя лично.

Вобан принял извинения во избежание дальнейшего раскола, но привкус горечи остался. Леонид же не проявил подобной выдержки, подошел к Даэкиану и ударил того по лицу. Вобан был готов к любой, даже самой худшей, реакции, но Даэкиан лишь кивнул и сказал:

— Вы в своем праве, подполковник Леонид, и я не держу на вас зла.

После чего принцепс обнажил свою изогнутую саблю и протянул ее эфесом вперед Леониду.

— Но знайте: Легио Игнатум готов сражаться рядом с вами, и во второй раз мы вас не подведем. Клянусь в этом своим клинком.

Вобан был потрясен. Если офицер Легио отдавал свой меч другому офицеру, это означало, что в случае, если он не сможет выполнить свой долг, он примет смерть от собственного клинка и навечно покроет себя презрением в глазах богов войны.

Несколько секунд Леонид молча смотрел на протянутое оружие. В подобных обстоятельствах офицер, если он был джентльменом, обычно отказывался принять меч и тем самым давал понять, что одного такого жеста достаточно. Но Леонид взял саблю и, заткнув ее за кушак на поясе одного из своих офицеров, вернулся на свое место. Его батальону сильно досталось в том сражении, и он был непреклонен в желании заставить виновных кровью заплатить за смерть его солдат.

С тех пор сабля была всегда при Леониде; Вобан знал, что, как только слухи об этом инциденте достигли рядовых солдат, популярность подполковника среди подчиненных резко возросла.

— Я горжусь вами, Михаил, — внезапно сказал Вобан. — У вас есть способность, которой я лишен: вы соперничаете всем, кто находится под вашим командованием, независимо от звания. И неважно, будь это формальная атмосфера офицерской столовой или простая казарменная жизнь.

— Спасибо, сэра, — улыбнулся Леонид, польщенный словами кастеляна.

— У меня есть знания и опыт, необходимые командиру, — продолжал Вобан, — но солдаты меня никогда не любили. Я всегда говорил себе, что любовь подчиненных не главное, главное — чтобы они исполняли мои приказы. Вас же солдаты любят и уважают, и, что еще важнее, они верят, что вы не подвергнете их жизни опасности без веских на то причин.

Выйдя из Гробницы, оба офицера поплотнее запахнулись в шинели, стараясь уберечься от пронизывающего ветра, резкими порывами хлеставшего высокие пики гор. Пятнадцать солдат — почетная стража — ждали их, чтобы сопроводить обратно в цитадель по лестнице в тысячу ступеней, вдоль которой стояли полуразрушенные статуи забытых героев Империи.

Офицеры с тревогой посмотрели на изрытую взрывами равнину перед цитаделью, и это зрелище наполнило их сердца холодом отчаяния. Начиналось утро, и в стане врага над бесчисленными кузницами и бивачными кострами выросли столбы дыма. Вся равнина скрылась под сплошной массой из людей и машин, складов снабжения и бригад землекопов.

За дни, прошедшие после падения Тор Кристо, главная параллель в направлении «восток-запад» продвинулась еще дальше к скалистому возвышению, и началась прокладка двух зигзагообразных сап, ведущих к цитадели. Первая из них шла к исходящему углу Первого рavelина, а вторая метила в левый фланг бастиона Винкаре.

— Мы не можем ощутимо замедлить их работы, — констатировал Вобан очевидное.

— Нет, сэр, — признал Леонид. — Но мы все же тормозим их продвижение.

— Этого мало. Мы должны остановить их, — сказал Вобан и поднял взгляд на почерневшую фигуру титана-«Императора», застывшую без движения у подножия Тор Кристо. Вокруг титана кишела толпа рабочих: они возводили систему прочных опор, которая позволила бы титану стрелять, не теряя равновесия. Позади титана огромные бригады рабочих, каждая по тысяче человек, последние шесть дней трудились в поте лица, втаскивая тяжелые осадные мортиры и гаубицы вверх по каменистым склонам к передовому краю возвышения, на котором стоял Тор Кристо. Оттуда орудия смогут безнаказанно метать снаряды за стены бастиона Винкаре, а бреширующие батареи, размещенные на этой позиции, будут прямой наводкой стрелять по центральной куртине поверх гласиса.

До завершения подготовительных работ оставалось еще несколько дней, но как только орудия будут установлены, гарнизон Винкаре ждала настоящая бойня.

— Клянусь Императором, Михаил, когда эти орудия начнут стрелять, нам придется плохо.

Леонид посмотрел на позиции, приковавшие к себе взгляд Вобана, после чего сказал:

— Вы обдумали мое предложение касательно гвардейца Хоука?

Гвардеец Хоук все еще блуждал в горах, при этом оказывая неоценимую помощь артиллеристам цитадели. Его ежедневные донесения указывали основные места скопления рабочей силы врага, и из-за этого осаждающим пришлось тратить время и сооружать дополнительные апроши только для того, чтобы добраться до передовой живыми. И с каждым днем Вобан все больше восхищался этим неприметным солдатом, который умудрялся снабжать цитадель подробнейшими отчетами о перемещениях врага, его дислокации и приблизительной численности. Все это помогало составить более ясную картину о ресурсах противника и соответственно направлять артиллерийский огонь. Если им было суждено выжить в этой битве, Вобан собирался позаботиться о том, чтобы Хоук получил должную благодарность.

— Обдумал, но такой план не обойдется без участия Адептус Механикус, а им я больше не доверяю.

— Я тоже, но здесь нам необходима их помощь.

— Пусть это решает архимагос Амаэтон.

— Сэр, вы же знаете, что Амаэтон мыслит все менее трезво, и полагаться на него нельзя. Он слабоумен и, что хуже, опасен. Вспомните, что он сделал с туннелем!

— Осторожнее, Михаил. Адептус Механикус — древняя и влиятельная организация. Амаэтон старше вас по званию, а потому относитесь к нему с уважением. Хотя ваши слова справедливы, я не позволю вам повторять подобное, ясно?

— Да, сэр. Но мы ведь должны быть выше этого!

— Мы и есть выше, друг мой, и потому-то вы больше не будете высказываться на эту тему. Если мы хотим одержать победу, Адептус Механикус должны быть на нашей стороне. Конфликт с ними ничего нам не даст.

На это Леонид ничего не ответил; сам Вобан понимал и принимал причины подозрительности, с которой тот относился к жрецам Механикус. Взрыв туннеля между Кристо и цитаделью был проявлением непростительной бессердечности, и если бы в Амаэтоне оставалась еще хоть капля человеческого, Вобан заставил бы его заплатить за это преступление.

Магос Наицин уже рассказал, как он умолял архимагоса не разрушать туннель, но почтенный Амаэтон отказался внимать голосу разума. Вобан также спросил Наицина, почему Кристо не был уничтожен после того, как был дан сигнал «Небеса рушатся».

— Не знаю, кастелян Вобан, — ответил ему Наицин. — Возможно, майор Тедески в последний момент утратил мужество и не смог исполнить свой долг.

Тогда при этих словах Вобан чуть не вышел из себя. Он отчетливо помнил страшную картину, которой завершился тот бой: самоуверенный гигант в доспехе терминатора бросает Тедески со стены бастиона Марс навстречу верной смерти.

Вобану стоило большого труда не выдать свой гнев голосом:

— Как бы то ни было, отныне Адептус Механикус могут действовать, лишь получив на то прямое согласие от меня или подполковника Леонида. Вам ясно?

— Как день, кастелян. Позвольте также сказать, что я полностью разделяю ваше мнение. Я не могу найти оправданий для смерти ваших людей в Тор Кристо, но магос уже стар — ему недолго осталось. Вскоре он воссоединится с Омниссией, и — да простит меня священный Дух Машины! — возможно, чем скорее это случится, тем лучше для всех нас.

Вобан никак не отреагировал на это заявление Наицина, но без труда ощутил, как сильно младший магос жаждет занять место Амаэтона.

И хотя сам кастелян не одобрял таких интриг, он с грустью допустил, что Наицин, возможно, и прав.

Гвардеец Хоук провел пятерней по спутанным волосам, поудобнее устроился среди скал,

подложив шинель под локти, и навел линзы магнокуляра на вражеский лагерь внизу.

— Так, давайте-ка посмотрим, что там происходит, — пробормотал он.

В сумерках на пыльной равнине кипела работа: рядами выстроились мастерские по производству оружия и инструментов, и тысячи человек сновали повсюду, следуя четко определенным маршрутам. Хоук несколько дней искал подходящее возвышение, с которого можно было бы наблюдать за лагерем. Позиция не отличалась удобством, но вряд ли в этих горах были удобные места. По крайней мере, его наблюдательный пункт был защищен от самых сильных ветров, а каменный выступ позволял ему даже вздремнуть немного, когда шум внизу стихал. Хоук зевнул: одна мысль о сне болью отзывалась во всем теле. Все равно уже наступала ночь, и в быстро сгущающейся тьме он мало что мог разглядеть.

Все это время он расходовал еду и воду очень экономно, и припасов пока хватало, но вот таблетки детокса кончились давным-давно. Но, кажется, слухи о губительности пропитанной ядами атмосферы на Гидре Кордатус оказались необоснованными. Не считая синяков и царапин, сейчас Хоук чувствовал себя лучше, чем за все время, проведенное на этой бесплодной планете.

Вначале нетренированные мышцы болели и были как деревянные, но это прошло, и Хоук заметил, что теперь и тело его, и разум находятся в лучшей форме, чем когда-либо. Вечные головные боли исчезли, как утренний туман, — равно как и привкус пепла, раньше постоянно ощущавшийся во рту. Кожа начала приобретать здоровый цвет, и Хоук, от рождения бледный, постепенно обзаводился загаром.

Чем бы ни объяснялись все эти перемены, Хоук был рад внезапному здоровью. Возможно, причина была в том, что теперь он мог доказать однополчанам, чего он на самом деле стоит, — доказать, что он хороший солдат и может выполнять свой долг наравне с героями. Он обшаривал линзами магнокуляра вражеский лагерь, считал рабочие бригады, направлявшиеся к апрошам, и при этом был вынужден признать, что сейчас — при прочих равных условиях — просто отлично проводит время.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675094>